

ГАЛА ГАРДА
И СВЕРКАЛИ БЫ ЗВЕЗДЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Гала Гарда
И сверкали бы звезды

«ЛитРес: Самиздат»

2020

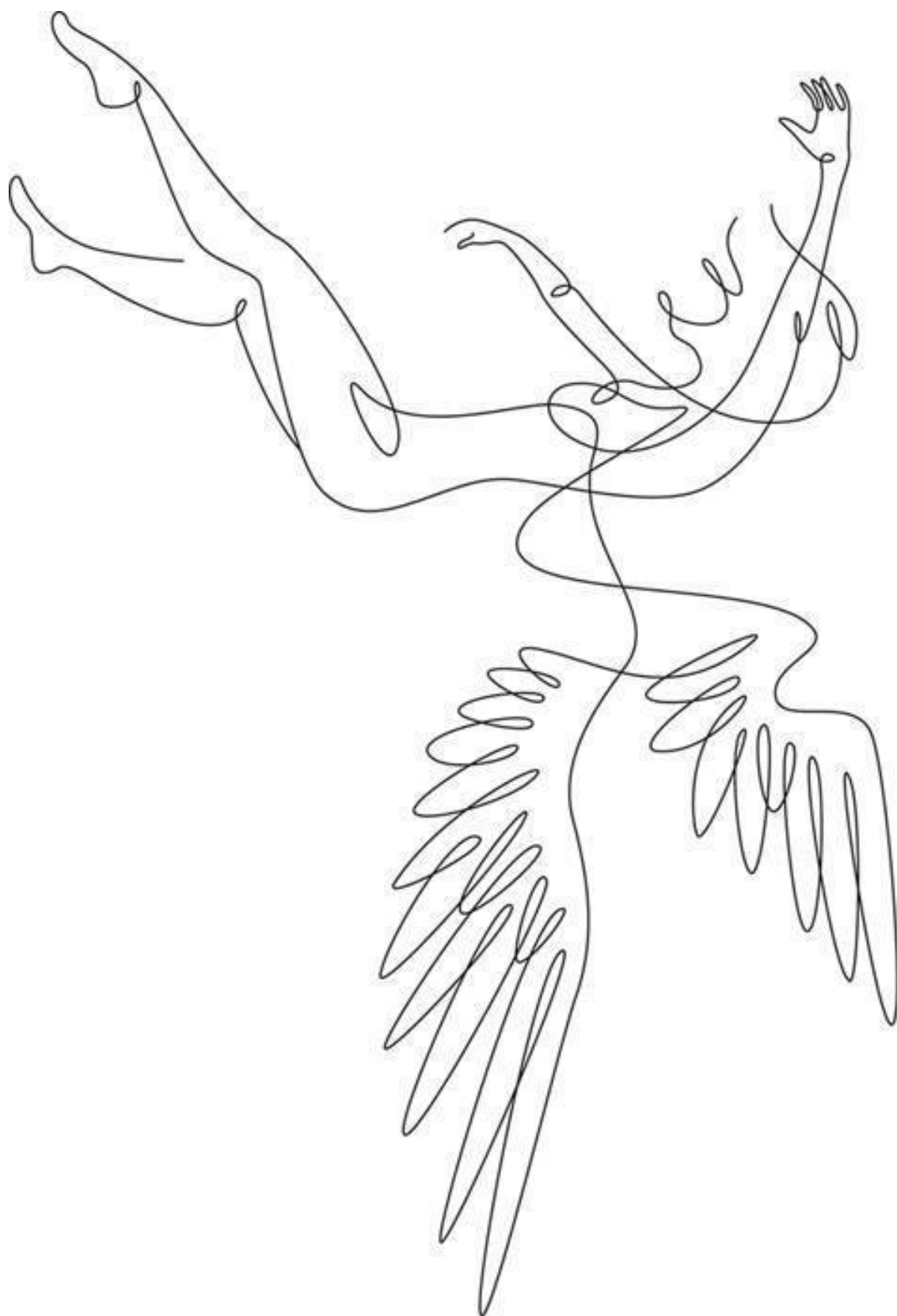
Гарда Г.

И сверкали бы звезды / Г. Гарда — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Конец жизни- начало истории. Героиня осознанно заканчивает свою жизнь, и теперь по ту сторону смерти, переворачивая страницы своей жизни, спрашивает себя: «Где она ошиблась? Что сделала не так? Что сказала? И было ли самоубийство- единственным выходом?» Три новеллы одной жизни. Одно начало, но разные судьбы и результаты. Мистические, но такие реальные три истории жизни одной героини. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Дорога первая. «Mi cadea fra le braccia»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дорога первая. «Mi cadea fra le braccia»

E lucevan le stelle...
И сверкали бы звёзды,
e olezzava la terra...
И земля бы благоухала,
stridea l'uscio dell'orto
И упала бы в мои объятия...
Пуччини. Ария Каварадосси «E lucevan le stelle» («Тоска»)

* * *

Один выстрел.
Второй... Стекло разлетелось вдребезги.
И вот, наконец, рухнула стеклянная броня, отделявшая мой мир от вечности.
Последний глоток любимого красного.
Как прекрасно вино. Только сейчас его тонины раскрыли истину. Я забирала с собой тёплую землю Тосканы, утомлённую любовными ласками солнца и влажным тёплым воздухом, вкус винограда, к гроздьям которого, словно к груди девственницы, с трепетом прикасались заботливые руки винодела.
«E non ho amato mai tanto la vita!» – моё любимое место в арии слилось с откровением.
Нога стояла на краю.
Кровь цвета вина медленно вытекала из раненой ступни.
Последний глоток.
Ария обрывается, как крик.
И на слове «la vita» я делаю шаг наверх в пустоту неба.

* * *

Вся моя жизнь – путь к этому прекрасному мигу падения.
Вселенская боль – последняя отчаянная нота, оборвавшаяся на главном, никогда не будет допета.
Темнота... Блаженна.
Темнота остановила бессмысленный бег моей жизни. Я ушла красиво.
Я не хочу больше в этом участвовать.
Жаль только тело, которое впечаталось в асфальт бесформенной грязно-бело-красной массой. Оно когда-то было прекрасно.
Темнота, успокаивающая, снимающая боль воспоминаний, отступает.
Калейдоскоп из звуков-запахов-мыслей, осколков всей жизни и...
Ещё раньше – до жизни.
Влажное тепло темноты. Рваная вибрация сердца. Сжимающий моё тельце страх матери.
Мама...
Мать – первая вселенная. Ты впитываешь её суть...
Страх острыми краями впивался в меня. Им были заражены околплодные воды, он нарушал ритм её пульса. Я стучала ножками и ручками, мне было душно и страшно.

Я родилась раньше времени – маленькая, слабая, но злая. Орала на этот мир, в котором было слишком много страха. Я жадно ела, чтобы стать крепче, я дёргала руками и ногами, чтобы зацепиться за что-нибудь, кроме удушливого страха. Убежать.

Мама всё время плакала. Её слёзы обжигали моё лицо. Я чувствовала себя виноватой. Это злило, я ещё громче орала. Мама чаще плакала.

В четыре года меня отправили в круглосуточный детский сад.

* * *

Мне показывают картину. Документальное кино. Отлично! Несите попкорн! Жаль, у меня нет больше рта, чтобы его жевать, и задницы, чтобы удобно развалиться в кресле.

Эй, вы! Что вы хотите от меня? По-вашему, это интересно – кино о моей жизни? Я всё знаю! Не тратьте моё время! Мне не жаль себя, мне не жаль никого из моей жизни. Я всё поняла и всё про неё знаю, ведь я сама была сценаристом и режиссёром своей жизни.

Всё, чего я вожду, – пустоты и забвения. Я хочу слиться с ними и исчезнуть навсегда. Просто отпустите меня в темноту!

* * *

Холодно.

Темно.

Маленькая девочка жмётся к отцу в грязной электричке. Я узнаю себя. Жалость пронзает меня. Почему я хочу взять руки этой бедняжки и согреть их? Я хочу обнять её, успокоить. Девочка думает, что она виновата в болезни мамочки. Для того чтобы мама выздоровела, ей надо уехать надолго из дома. Бедняжка. Я забыла о тебе...

Душный вагон подземки. От станции метро мы с папой долго идём среди огромных домов. В нашем посёлке таких высоких домов не было. У нас старые дачи, пятиэтажные дома, озеро и сосны.

Папа оставляет меня среди чужих и бесформенных тёток в зелёных халатах.

Детский сад – детский ад пятидневки. Зачем мне это видеть снова? Я не люблю держать в памяти болезненные воспоминания.

Картинка возвращает меня в тот год.

Я перестала есть. Мир не был больше опасным. Он стал безликим и скучным.

Ночью я долго не могла заснуть. В окнах домов напротив нашей огромной детсадовской спальни я видела другую жизнь. Там были большие семьи, там мать стояла у плиты, накрывала на стол. Там у сестёр были братья. Там все говорили, смеялись, ссорились и мирились друг с другом. Там были уютные бабушки и добрые дедушки. Я лежала в холодной застиранной постели и не понимала, что со мной не так. Почему я проживаю среди чужих людей и детей эти склизкие и безвкусные, как холодная манная каша, дни? Я боялась, что папа меня не заберёт. А когда долгая дорога на метро, холодной электричке возвращала меня домой, там по-прежнему пахло лекарствами.

В моём мире всегда темно и тихо, там душно. Прозрачная женщина, похожая на мою мать, таяла в постели и, беря мою ладошку в свои холодные, костлявые, как у смерти, руки, обжигала слезами.

Она ушла тихо.

О! Мелькнула картинка похорон! Её я уже и не помнила...

Я стою на краю могилы и заглядываю в неё. Отец держит меня крепко, мне не страшно, мне любопытно. Как так, и всё? Всё закончилось? В чём смысл? Я задаю этот недетский вопрос и вдруг своим детским умом улавливаю странность всего происходящего. Нет скорби. Облег-

чение. Облегчение, как один большой выдох после огромного напряжения, исходит от гроба матери, от фигуры отца, от огороженного могильного прямоугольника под соснами.

В доме постепенно стал появляться свет, уходит запах лекарств и страха.

Отец забрал меня с пятнадцатки и теперь ровно в шесть пятнадцать приходил за мной в детский сад, что был недалеко от его завода. Мы пешком возвращались домой лесной тропинкой, ведущей вдоль озера. Я бегала, срывала цветы, напевала выученные в новом детском садике песни, радовалась добрым и виноватым глазам отца, непрерывно наблюдающим за мной. Он не был многословен, он не знал, как разговаривать со мной, он привык только заботиться о больной жене и каждый миг ждать смерти. Теперь в наших общих днях появились жизнь и надежда, но отец продолжал чувствовать себя виноватым.

Вскоре в дом пришла тётя Дуся. Они вместе забирали меня из детского сада. В нашем доме она готовила ужин: пирожки, борщ или обожаемый мною куриный суп с клёцками. Дуся сидела напротив меня, подперев полной рукой мягкую щеку, гладила меня по голове, вздыхала: «Охи, сиротинушка, доня, кушай, кушай, тоща яки ты».

Тётя Дуся была большой и тёплой, как печка. От неё шёл уютный запах пирогов, супчиков и ещё чего-то волнующего и запретного. Она работала в заводской столовой, жила в общезитии. Я любила её украинский говор. Звучащий как ручеёк, он успокаивал меня и приятно щекотал ухо. Дома стали появляться другие люди. Тётя Дуся готовила много жирной и вкусной еды. В маленькой квартире становилось тесно, шумно, весело, словно каждые выходные наступал Новый год, который мы не отмечали раньше. Меня не гнали в постель, и я сидела рядом с уютной печкой – Дусей, наслаждалась её теплом, пела вместе с ней песни, в которых вроде бы русские слова звучали смешно и мило.

Вскоре Дуся стала жить с нами и попросила называть её мамой. А я не смогла... Я упрямо продолжала называть её «тётя Дуся». Она злилась, особенно перед гостями: «Доню, доню! Ну яка я тебе тётка! Я мамка твоя!»

Я уходила в другую комнату, чтобы не видеть грустные глаза отца и вдруг ставшее неприятным и злым лицо Дуси.

Тётя Дуся в какой-то момент стала огромной. Она и до этого была крупной, но сейчас, казалось, она занимала всё пространство квартиры, словно вытекающее из кастрюли дрожжевое тесто. Она была везде: лезла во все дела, комментировала каждое наше движение и слово. Отец становился прозрачным и тихим, а у Дуси изменился голос. Вместо доброго ручейка малоросских слов полился поток громкой лающей брани беспородной злой собаки. Отец забивался в угол, я убежала на улицу.

В конце декабря появился он – жирный, вонючий, визжащий поросёнок по имени Васюточка. Его пелёнки, влажные и душные, поглотили весь воздух и свободные места квартиры. Я спала на кухне, у меня не было больше своего пространства.

Я научилась ненавидеть. Поросёнок Васюточка и его свиноматка Дуся, бесхарактерный отец, душная квартира выживали меня на улицу. Я до глубокой ночи шаталась одна по посёлку, долго сидела у озера, бродила среди старых деревянных домов... Днём оставалась в школе до её закрытия и от нечего делать стала хорошо учиться. Мозг отвлекался от мусора, который захламлял мою жизнь. Тишина библиотеки стала моей церковью.

Когда мне исполнилось 13 лет, Васюточка пошёл в школу. Каждое утро я должна была отводить его до дверей класса и встречать после уроков. Дуся не признавала продлёнки. Главная её религия была еда. Она готовила много, жирно и уже не вкусно. Васюточка обязательно по часам обедал и полдничал дома под моим присмотром. В обед Дуся звонила с рабочего телефона заводской столовой и подробно расспрашивала, как покушал её кровиночка. Мерзкий свин пытался издеваться надо мной: он плевался мне в лицо борщом и котлетами, при этом жадно запихивая в рот пироги и конфеты. Мы дрались и орали друг на друга. Когда с работы возвращалась Дуся, вытаскивая из складок огромной груди и живота ворованные из

столовой куриные окорочка и куски мяса, начинался новый виток криков – теперь она орала на меня и отца, который всё чаще и чаще приходил домой пьяным.

Я снова убегала на улицу и гуляла до глубокой ночи, пока в окнах квартиры не гас свет. В школе я стала получать плохие оценки, у меня не было места и времени учиться. И уже не было желания. Я не видела смысла... Я огрызалась на учителей с такой же ненавистью и силой, как и на Дусю. Я прогуливала школу, чтобы не видеть младшего свина. Я уходила из дома, пока все спали, и возвращалась, когда уже все спали. Таскала еду из холодильника ночью, прятала её в сумку.

Отца вызывали в школу. Он приходил – жалкий, неухоженный. Виновато улыбался и невнятно оправдывался.

Я продолжала хамить учителям, прогуливать уроки, и в школу теперь вызывали Дусю. Она вплывала в кабинет директора, огромная, как слон, но с высоко задраным подбородком и сжатыми губами, распространяя вокруг себя запах кислых столовских щей, пота кримпленового платья и польских «Шанель номер пять» (подарок инженера отдела снабжения). С брезгливой миной выслушивала жалобы учителей, не вникая в слова, и всегда говорила одну фразу: «А шо поделать? Вся в мать! Вот Васяточка мой – друхо дило». Забывая о воображаемой ею короне на голове, визгливо тараторила она, перечисляя все Васюточкины достоинства.

Дома Дуся орала на отца, предлагая послать меня в школу-пансион для проблемных подростков. Но однажды отец, обычно тихий и виноватый, вдруг изменился в лице, встал во весь рост, расправив плечи, и стукнул по столу кулаком: «Никогда!». В голосе его и всей фигуре было столько силы, что Дуся поневоле сдалась и притихла. В душе её вдруг промелькнуло забытое уважение к мужу, защекотало внизу живота давно угасшее желание.

Картинки моей жизни мелькают. Боль и обида пронизывают душу. Зачем мне снова это всё? Меня нет больше. Кому нужна эта история маленькой, никому ненужной девочки? Что мне хотят показать? Разве я виновата, что жизнь – дерьмо?

Я не выбирала такую судьбу!

Эй!!! Я не хочу это видеть! Я не хочу снова и снова это проживать!!!! Я мертва! Зачем гонять меня по кругу боли?!!

Но негативы моей жизни проходят сквозь сознание, возвращая в самые больные моменты. Я не хотела помнить их, но мне навязчиво предлагают погрузиться в это. Вновь пережить и прочувствовать всё... ЗАЧЕМ?

* * *

В 14 лет я решила убежать из дома. У меня было 25 рублей (которые я украла из шкафа с нижним бельём Дуси), вареная колбаса, батон хлеба, пачка сигарет, смена белья. Я не знала куда бежать. Я говорила себе: «Страна большая. Можно поехать в Сибирь, соврать, что мне 18!»

Всё тогда казалось проще. В стране начался бардак. Неповоротливый мамонт Союз Нерушимый с грохотом рухнул, раздавив прежние правила. Среди обломков и хаоса можно было потеряться, найти свою удачу или умереть. Выживал сильнейший и с хорошей реакцией.

Родителей пугало будущее: под тушей загнивающего Союза умирала их надежда на надёжную пенсию и спокойную советскую старость.

Но для молодых наступили новые дни. Мы, как голодные шакалы, почувствовали кровь и большую охоту.

Я была ещё слишком молода и неопытна, чтобы далеко заглядывать в будущее и продумывать свои шаги, но моё одиночество и злость обострили интуицию. Я готова была урвать от жизни свой кусок счастья, вцепившись в него зубами молодой волчицы.

Поэтому в начале марта, получив паспорт, обобрав мачеху, я готова была бежать. Но сперва я решила навестить мать. Мы с отцом редко приходили к ней. Он иногда разговаривал с ней на Пасху, в день смерти и день рождения матери. Но я не была на кладбище года два. Там я становилась уязвимой. А мне нельзя было быть слабой. Я собирала в себе силу, злость и решимость выжить.

Почему именно этот момент? Бесконечное число раз я проживаю один и тот же день. Зачем? Что я должна разглядеть? Что я упустила?

Я вижу...

Сырой и холодный день.

Фигурка подростка, сгорбившись, сидит на скамейке рядом с могилкой. Девушка курит, дрожит от холода. Или волнения? Её бледное симпатичное лицо портит злость: сжатые губы, острые скулы, глаза, наполненные яростью и решимостью. Мне так жалко её. Я хочу подойти, обнять, согреть, погладить по голове. Она никогда не помнила о доброте...

Но я не могу двинуться, я могу только наблюдать.

К ней подходит священник.

Как не вовремя!

Девушка именно в этот миг принимает решение, что переступит через любого, кто попытается ей помешать быть счастливой. А счастливой её сделают независимость, деньги и власть. И не надо ей читать морали!

Я вижу поток её мыслей, но почему на другой стороне жизни они пугают меня? Ведь именно это решение поможет мне добиться многого!

Сейчас я внимательно рассматриваю священника и понимаю, что на кладбище его привели не «дела службы», а личное горе. Я вижу за его спиной двоих малышек. Священник похоронил сестру, и теперь на его руках остались её дети... Но тогда эта злая и молодая «Я» не видела ничего вокруг.

О чём они говорят?

Священник садится рядом и спрашивает: «Могу тебе помочь? Хочешь поговорить?»

Но девушка, презрительно смерив его взглядом, зло бросает через плечо: «Пошёл на х... поп». Священник вздыхает, сидит ещё минуту. Тяжело для своего молодого возраста поднимается со скамьи и говорит: «Если будет совсем неведомо, найди меня». Он достаёт маленькую потёртую записную книжку, вырывает лист из неё и пишет пару строк.

В этот же момент рядом происходит событие, которое меняет мою жизнь.

Краем глаз, ведя внутренний монолог о ненависти к жизни, я наблюдаю за пожилой женщиной, стоявшей у свежей могилы. Её тяжело назвать старушкой, хотя на вид ей лет 70–75. Стройная, даже худая, с прямой спиной. Тонкий профиль бледного лица. Одега в поношенную, но когда-то дорогую каракулеву шубу серого цвета. Когда она снимает старую кожаную перчатку, чтобы скинуть снег с креста и очистить табличку с именем покойного, я разглядываю кольцо. Огромный бриллиант в старинной оправе. Он напоминает те кольца, которые я видела на школьной экскурсии в Оружейной палате Кремля. В старом бриллианте нет пошлого блеска, в нём накопилось благосостояние поколений, владевших им.

Всё в облике пожилой дамы говорит о врождённом аристократизме.

Но неожиданно дама заваливается на бок и сползает на могилу. Она не двигается. Поддавшись человеческому инстинкту, я подбегаю к ней. Она приоткрывает глаза и слабо улыбается тонкими бледными губами:

– Всё в порядке, деточка...

– Что с вами? Сердце?

Больше всего мне не хочется возиться с тем, чтобы бегать искать телефон. Наверное, в вагончике директора кладбища он есть и я должна это сделать, но мой озлобленный ум предлагает другой сценарий: «Сними с бабки кольцо и беги!»

Я уже решаюсь это сделать, но что-то останавливает меня.

– Я вызову скорую?

– Не надо, деточка. Мы здесь обе умрём от холода, пока дождёмся неотложку. Всё нормально, дорогая. Я не выпила свой утренний кофе... Давление упало. Это было очень непредусмотрительно с моей стороны. Я не позаботилась о себе и вовлекла вас, милая, в глупую ситуацию.

Я очарована тем, как она изъясняется. Как, несмотря на нелепость ситуации, лёжа на могиле, видимо, своего родственника, эта дама сохраняет благородство и достоинство?

– Что же я могу для вас сделать?

– Ну, если вы настаиваете, можете в моей сумочке найти кусочек сахара?

– Ой! У меня есть бутерброд! И даже термос с чаем!

Дама смеётся слабым, но достаточно звонким для её возраста смехом:

– Вы – мой ангел?

– Поверьте, я совсем не ангел, но еда у меня есть.

Я помогаю ей подняться, мы делим бутерброд и сладкий чай. Серафима Эммануиловна, так представляется дама, успевает рассказать, что недавно похоронила мужа. «Он был достаточно известным в Советском Союзе художником. Но сейчас о его картинах и иллюстрациях, к сожалению, забыли», – вздыхает Серафима Эммануиловна. Теперь она одна живёт на даче в Кратово, а её единственный сын – в центре столицы.

Слушая Серафиму Эммануиловну, я обдумываю, как же очутиться у неё дома. Там, наверное, можно найти больше полезных вещей для моего побега!

И тут она сама предлагает:

– Алиночка, можете меня проводить до дома? Здесь недалеко, пару остановок на электричке? Я угощу вас потрясающим постным борщом и пирожками с морошкой.

В голове мелькнула язвительная мысль: «Все вы сначала борщом кормите, пирожками. Говорите ласково, а потом – суки суками».

Я уверена, что моя новая знакомая тоже окажется дрянью, только дрянью-аристократкой. Поэтому можно не расслабляться и, не дожидаясь разочарований, сразу взять своё.

* * *

Так я оказалась в доме Серафимы Эммануиловны.

Старая дача, стоявшая в глубине огромного участка с высокими соснами, сразу покорила моё сердце. Я всегда мечтала жить в таком доме: скрип половиц, тепло камина, повсюду книги, литературные и арт-журналы. На стенах – картины и наброски. Уютные старые кресла, накрытые потёртыми пледами, жёлтый шёлковый абажур над обеденным столом. Тишина. Только ветки старого куста жасмина стучатся в окно, напоминая, что в мире иногда что-то должно происходить.

Как так получилось, что за чашкой сладкого чая, согретая теплом дома и умными внимательными глазами хозяйки, я рассказала Серафиме Эммануиловне всё? О маме, о Дусе, о ворованных деньгах. О плане бежать и даже о своих мыслях её ограбить.

Как?

Она не осуждала меня, ничего не говорила. Я много плакала, наверное, впервые за всю свою короткую несчастную жизнь. А пожилая красивая женщина просто сидела рядом, гладила меня по голове и молчала.

Серафима Эммануиловна уложила меня спать в комнате сына.

* * *

Я проснулась от шума сброшенного с крыши весенним солнцем куска снега. На душе было пусто, грустно и... светло. Я испугалась этого чувства. Это делало меня уязвимой и растворяло мою решимость бежать, бороться за жизнь и счастье любимыми способами.

На столе на чистой льняной салфетке я увидела простой завтрак и записку от Серафимы Эммануиловны: «Алина. Я буду поздно. У меня много учеников в центре. Я останусь ночевать у сына на Патриарших. Оставайтесь в доме столько, сколько вам необходимо. Кое-какая еда есть в холодильнике. Ключи можете оставить под ковриком».

Я была в шоке. Как так? Ключи? Оставайтесь? Еда? И это после того, как я рассказала, что хотела бежать с её кольцом? Что украла деньги из дома? Что ненавижу этот мир?

Весь день я бродила по старой даче, прикасаясь к вещам, вдыхая запах книг, чьи страницы благоухали для меня морем и шоколадом, рассматривала картины. Одна из них меня завороживала. Это был портрет юноши. Лицо, одежда и торс прорисованы лёгкими штрихами. Я не знала, как называлась эта техника. Художник условно обозначил свою модель, но передал характер, сделав акцент на больших глазах и тонких пальцах. Что-то противоречивое было в портрете. У молодости нет такой мудрости во взгляде. И сильные руки с тонкими пальцами?

Я не могла оторваться от портрета. Может, это её сын? Может, так выглядел её муж? Я была очарована. Полдня я просидела напротив портрета с чашкой чая, рассматривая каждый штрих, воображая, какой он в жизни? Реален ли этот парень?

Я вернулась домой. Моего двухдневного отсутствия никто и не заметил.

Я положила деньги обратно в бельё Дуси.

Вечером Дуся попробовала вновь наорать на меня, но я подошла вплотную к ней, посмотрела в глаза и тихо прошипела в самое ухо: «Заткнись, сука. Ещё раз пасть откроешь, я прирежу тебя и твоего свина. Отсижу как малолетка, и в 18 выйду на свободу. Вернусь в квартиру к отцу».

С этого момента Дуся затаилась и больше не орала на меня. Когда маленький свин вдруг пробовал визжать, она хватала его за рукав и шикала на него, со страхом оглядываясь на меня.

Я думала, что одержала победу – наконец научилась отвоёвывать «место под солнцем».

Но в данный миг, на другой стороне жизни, я осознала, к чему привела та моя угроза. Оценить её разрушительную волну мне ещё предстоит позже, а в те далёкие дни я наслаждалась тем, что дома меня не трогали и боялись.

* * *

На следующий день я сама вернула ключи Серафиме Эммануиловне. Я объяснила ей, что побоялась оставлять их под ковриком, слишком много сейчас грабят дач. Но на самом деле мне хотелось узнать, кто этот юноша с картины. В глубине души я надеялась, что её сын. И наконец, как в сказке, случай приведёт меня к счастливой развязке.

Но всё оказалось и проще, и сложнее одновременно.

Этот парень был сыном приятельницы и соседки Серафимы Эммануиловны. Недавно его забрали в армию. «В горячую точку», – с грустью пояснила она.

«Что ж, – разочарованно вздохнула я про себя, – сказки со счастливым концом – это не про меня».

Картинки моей жизни снова замелькали. Почему я не заметила, как Серафима Эммануиловна изменила мою жизнь?

Почему я только брала?

Да, я ухаживала за ней. Но мною двигал абсолютный эгоизм. Всё, что я делала для неё, я делала для себя.

Всё чаще оставаясь у Серафимы Эммануиловны, я отдыхала от душного дома, тупой Дуси и свина Васюточки.

Улица мне больше не была нужна. Огромная библиотека старой дачи, английский и французский, которым обучала меня Серафима Эммануиловна, открыли новые миры. В своём почтенном возрасте Серафима Эммануиловна продолжала преподавать иностранные языки в педагогическом институте и, несмотря на сложное время, имела много частных учеников. Она не нуждалась в деньгах, но большую часть отдавала своему сыну. Я ненавидела его. Он был недостойн такой матери, по моему мнению. Тридцатилетний лентяй, с прекрасным образованием (востоковед, переводчик японского языка), он не мог, вернее, не хотел искать своё место в меняющемся мире. Располневший, вечно жалующийся сибарит. Он проживал один в огромной квартире на Патриарших прудах. Он не утруждал себя постоянными связями. Иннокентий был так ленив, что даже не утруждал себя ухаживаниями за девушкой. Всегда находилась или какая-нибудь простушка, впечатлённая его квартирой, или, наоборот, очкастая интеллектуалка, возбуждённая его долгим размусоливанием о восточной культуре.

* * *

Так прошло два года. Выпускной класс в школе.

Начало девяностых... Всё вокруг менялось так стремительно, словно цунами смывало устои, привычки, надежды и людей. Отец остался без работы. Завод закрылся. Дуся одна вкалывала на нескольких работах: мыла полы в магазине, моталась к родне в Украину, привозила сало и домашнюю колбасу, торговала ими на рынке. Она стала ещё злее и, несмотря на тяжёлую жизнь, толще. Отец сидел дома, «присматривал за Васюточкой», который превратился в жирного, подлого подростка со странными наклонностями.

Но меня это не волновало. Я практически жила на даче у Серафимы Эммануиловны, учила языки и готовилась поступить в университет, где она преподавала.

У меня был план – найти работу как переводчик, потом получить юридическое образование и добиться всего самой.

Я хотела такую квартиру, как у сына Серафимы Эммануиловны.

Я хотела такую же дачу, полную книг, тишины и картин.

Я хотела много денег.

Я хотела не видеть свою ненавистную семью. Ну, может, позабочусь только о несчастном отце.

Так размышляла я.

Но в мои планы вмешалась судьба, которая совсем не любила меня, как тогда мне казалось.

* * *

Бандитские девяностые родили своих героев. И имена авторитетов разных группировок были у всех на слуху. Каждая вторая девушка мечтала о романтических отношениях с «бандитом». Широкий крепкий парень в кожаной куртке, пахнущий «Фаренгейтом», проводящий ночи в самых дорогих ресторанах. Таинственный, брутальный – герой того времени.

Но не для меня. Я выросла в грязи, и у меня не было романтических слюней и розовых очков. Всеми фибрами души я хотела вырваться из этого дерьма, этого рабочего посёлка с его нищетой и алкоголизмом. Занавес другой жизни приоткрыла моя наставница, и я стремилась

в неизвестное «прекрасное далёко», которое манило грезами о роскоши, общении с людьми уровня Серафимы Эммануиловны.

Мечты о далёком Нью-Йорке, нежном Лазурном берегу двигали меня вперёд, заставляли учить языки, читать книги и наблюдать за аристократическими привычками Серафимы Эммануиловны. Я копировала её манеру держать столовые приборы и бокал, сервировать стол, сидеть на краешке стула с прямой спиной. Обращаясь к собеседнику, задавать правильные вопросы, держать полуулыбку. Я шлифовала свои манеры, поглощала книги об искусстве и истории. Я готовилась к своей мечте.

* * *

Мне больно видеть тот день, вернее, ночь.
Но меня заставляют снова и снова смотреть на всё это.

* * *

Возвращаясь от Серафимы Эммануиловны в квартиру отца, я несколько раз видела у своего дома огромный чёрный джип с затемнёнными стёклами. Говорили, что к соседке, молодой красивой девахе по имени Афина, приезжает люберецкий авторитет Анибус. Меня пугала его кличка, которая на самом деле, как я узнала позже, происходила от фамилии Анибаев. Анибус соответствовал своему «погонялу». Он был грозен, страшен и нёс смерть. Все знали его бешеный характер и его везение. Отсидев по молодости за драку три года, он вернулся матерым злым шакалом. В пищевой цепочке нового времени занял верхние позиции и удерживал их жестокостью и звериным чутьём.

Анибус высматривал меня...

Взял, как берут варвары женщин завоёванных городов. Не в его привычках было тратить время на ухаживание и разговоры. Странно, но жертвы потом сами становились его добровольными рабынями, выпрашивая любовь и внимание. Была в нём притягивающая женщин магия. Правила его игры принимались жертвой безоговорочно. К очередной наложнице он относился ровно. Подавив её волю силой, подарками и равнодушием, он терял к ней интерес, как только видел покорность и влюблённость. И находилась новая жертва. Но постепенно слава о Анибусе как о brutальном любовнике разошлась по области. Всё меньше сопротивления от девушек он встречал, всё больше и больше они сами искали с ним знакомств и предлагали себя. Ему стало скучно.

Мне было 16, я не знала подробностей о нём, меня вообще не интересовала жизнь братвы. Мне надо было поступить в институт, воспользоваться связями Серафимы Эммануиловны, чтобы найти работу переводчицей в каком-нибудь «совместном предприятии», и свалить из совка.

Но всё оборвалось в один миг.

У меня не было шанса отказать и не сесть в машину Анибуса. Двое его ребят силой запихнули меня на заднее сиденье.

* * *

Мне больно это видеть. Не надо... не показывайте...

* * *

Что я чувствовала в этот миг? Странно, но первая моя мысль, когда всё закончилось и Анибус пошёл в душ, была: «Этого ты и достойна... Что бы ты ни делала, куда бы ни стремились, грязь – твоё место...»

Когда он вышел из душа, то ожидал увидеть маленькую и жалкую девочку со слезами на глазах. Но получилось всё по-другому. Он не заметил, как я тихо возникла за его спиной. Огромный острый нож, что я нашла на кухне, оказался у его горла.

– Я убью тебя, если ты ещё раз такое сделаешь, – прошипела я.

Находясь по другую сторону жизни, я поняла, как глупо это выглядело: хрупкая девушка дрожит всем телом, но держит нож у горла огромного накачанного быка. Конечно, одно его движение, и я уже отлетела в другую часть комнаты, а нож оказался у него.

Я забила в угол и зло смотрела на него.

– Не подходи! Я убью себя! И тебе придётся возиться с трупом!

Странно, но в глазах Анибуса появилось удивление. И он сделал не свойственный ему жест. Он подошёл ко мне, сел на корточки напротив и протянул руку, как к дикому зверьку:

– Не бойся. Я больше не дотронусь до тебя без твоего разрешения.

Я чувствовала, что он не отпустит меня, пока не наиграется.

Моя мечта об институте и другой жизни была уничтожена в тот день.

Мне стало всё равно. Наверное, это равнодушие и возбуждало Анибуса больше всего. Он из шкуры вон лез, чтобы увидеть улыбку на моём лице. Водил по ресторанам. Привозил деликатесы, которых ещё невозможно было купить в магазинах, забрасывал безвкусными, на мой взгляд, золотыми кольцами и цепями. Мне по-прежнему было всё равно. Он спрашивал, что я хочу... Я говорила одно: «Отвали от меня». Но ночью, когда он брал меня, я начинала осознавать свою власть, управляя им. Чувственность открывалась во мне, я постигала суть секса, я шла в удовольствие тотально, используя для этого тело Анибуса, беря в плен его душу. Секрет оказался прост: я всё и всегда делала только для себя, но не жадно и открыто, а словно играя.

Его очаровывали мои манеры и стиль, которым я обучалась у Серафимы Эммануиловны. На фоне модного в те времена образа путан и жён бандитов, аляповатого, пошлого и грубого, я отличалась сдержанностью и элегантностью. Однажды я в сердцах сматерилась при нём. Конечно, для меня не была проблема в своём доме послать Дусю и Васюточку по полной программе, но, сохраняя образ и манеры, я не позволяла себе этого вне дома.

– Никогда больше... – тихо сказал он, – это не твоё.

Я хотела, чтобы он сам оставил меня в покое. Оставил по-хорошему, поэтому я совсем не думала о том, чтобы нравиться ему. Я удовлетворяла свои запросы, баловала себя, компенсируя деньгами разбитые мечты. Ничего не просила, но использовала его настолько, насколько у меня хватало фантазии. Благодаря его деньгам я стала ходить на все самые модные выставки и театральные постановки. В Большом театре у меня уже были закреплённые места. Чаще всего я брала с собой Серафиму Эммануиловну, которая обучала меня тонкостям понимания музыки и режиссуры, но вскоре и Аниб присоединился к нам. Вначале он просто не хотел отпускать меня, но позже втянулся и даже по-своему стал получать удовольствие. Чем больше я проявляла эгоизм, тем смиреннее и покорнее становился этот монстр.

Я практически уже не жила с отцом, его женой и братом. Аниб снял квартиру недалеко от моей школы. И если его не было рядом, то кто-нибудь из его бритоголовых шестёрок всегда сидел в машине под окнами квартиры или школы или возил меня к Серафиме Эммануиловне.

Так что я и не знала, что Дуся подала на развод и занялась разменом квартиры.

Всё произошло тихо. Подло.

Меня поставили перед фактом в момент подписания документов.

Отец, как всегда, только виновато улыбнулся, когда я увидела, что при размене нам с ним досталась комната в коммуналке, а Дуся забрала хорошую однокомнатную квартиру. Я была в шоке, орала на Дусю, но она только мстительно ухмылялась. Я ничего уже не могла поделать. У меня больше ничего не осталось. Ни дома, ни семьи. Отец забрал в комнату свой нехитрый скарб и раскладушку, Дуся – всю мамину мебель и посуду. У меня остался только альбом со старыми фотографиями. Все мои личные вещи давно хранились у Серафимы Эммануиловны и на съёмной квартире.

* * *

Учебный год подходил к концу. Я мучительно думала, как сказать Анибу о своих планах на моё будущее, в котором был институт и не было его.

Но он меня опередил.

– Нам надо пожениться, – однажды ночью заявил он.

Я подскочила с постели:

– Мне только 17 исполнилось! Нас никто не распишет!

– Я знаю. Но если ты забеременеешь, то распишут!

Мой мир разлетелся вдребезги. Если я до этого момента и тешила себя надеждой, что надо ем Анибу и мы тихо разбежимся, то теперь поняла, что он вцепился в меня и не отпустит, пока окончательно или не выпотрошит душу, или не подавит мою волю.

Моя жизнь превратилась в тихий ужас.

Он делал всё, чтобы я забеременела. Контролировал моё питание, образ жизни, проверял, не пью ли я таблетки, ходил со мной к гинекологу.

Я судорожно искала план спасения, но его не было. Я знала, что он страшный человек. И ужасно везучий. Когда вокруг приходили новости о том, что кто-то из его друзей и партнёров убит или схвачен органами по борьбе с организованной преступностью, он с лёгкостью ходил по краю, словно под крылом своего татарского ангела.

* * *

Выпускные экзамены я сдавала на третьем месяце беременности.

Аниб был счастлив и от радости немного ослабил контроль.

Я судорожно соображала, что можно выжать из этой ситуации, и нашла решение. Под видом, что отец болен и ему тяжело жить в шумной коммунальной квартире с соседями, а нашему ребёнку нужен здоровый дед, Аниб быстро выселил соседей отца, и нам досталась огромная квартира в сталинском доме на окраине Москвы.

Как только соседи отца выехали и я стала обладательницей большой квартиры, случилось страшное. Отец на радостях напился палёной водки и умер.

На пятом месяце беременности я потеряла ребёнка. Но эта была версия для Анибуса. Я вытравила ребёнка. Тайно купила лекарство у знакомой акушерки и вытравила плод сразу после похорон отца. Я обдумывала этот план и раньше, но, зная подозрительность и хитрость Анибуса, боялась рисковать. Он был убит горем. Видя его тоску, я испытывала смешанное чувство жалости и мести.

Но каждый сам за себя, если хочешь выжить в джунглях.

У меня была квартира, немного денег в валюте, которые я прятала от Аниба. Я собирала золото и втихую распродала шмотки и сумки. В тот период тотального дефицита часть того, что мне в невероятных количествах дарил Аниб, я меняла у фарцовщиков на валюту.

Поступление в институт я пропустила. Но мысль об учёбе не покидала меня. Можно было зацепиться за вечерний или, по крайней мере, заочный, но Аниб как одержимый снова заговорил о ребёнке. Я боялась идти с ним к врачу, чтобы он не заподозрил меня, и просила дать мне ещё полгода на восстановление от шока.

Но тоска Аниба по сыну росла с каждым днём, делая его уязвимым, в итоге убив его. Теперь я понимаю, в этом была моя вина. Я видела его страдания и наслаждалась ими. Незаметно, по-подлому, подбрасывала в его костёр боли свои сухие ветки мести.

Он потерял нюх. Его застрелили в упор. В середине дня в центре города. По телевизору ещё месяц крутили этот кадр, записанный уличными камерами. Я всматривалась в каждый момент, улыбаясь и ликуя в душе.

От Анибуса мне практически ничего не досталось. Братва организовала пышные похороны, подкинула мне немного денег. И они тут же занялись разделом его имущества – нескольких ресторанов, магазинов, моек машин и прочей недвижимости. По бумагам я, конечно, ни на что не имела права претендовать: мы не успели расписаться. Но мне и не надо было.

Всё, что мне было нужно, чтобы братва меня забыла.

* * *

Серафима Эммануиловна стремительно старела и всё больше оставалась дома.

Её сын так и продолжал бездельничать. Когда он нуждался в деньгах, просил у матери или брался за перевод какой-нибудь инструкции от японской техники. Ему хватало на вино, сигареты и пару походов в ресторан со случайной девицей. Больше напрягаться он не хотел.

У меня созрел план. Я предложила Серафиме Эммануиловне выкупить у неё дачу с тем, что она остаётся в ней жить навсегда и я позабочусь о её питании и лечении.

На удивление она очень быстро, даже, как мне показалось, с радостью согласилась. Её сын не любил дом в лесу, и она понимала, что после её смерти он продаст его без торга первому встречному. Серафима Эммануиловна видела мою привязанность к этому дому.

После оформления собственности на дачу я ничего не меняла в ней. Только улучшила коммуникации и сделала более современными и удобными душ и туалет.

* * *

Мне нравилось думать, что это мой дом и он был моим всегда.

В нём живёт моя история. Я воображала, что Серафима Эммануиловна – моя бабушка, с которой прошло моё детство. Не зная, что такое любовь, я была привязана к Серафиме Эммануиловне всем сердцем, но скрывала это от себя.

Я могла только использовать людей, но не любить их.

«Любовь делает тебя без кожи, без брони» – было моё убеждение.

Я когда-то любила маму – она ушла. Я любила Дусю – она предала меня.

Мой отец, любивший меня, не смог защитить.

Любовь Аниба ко мне и нерождённому ребёнку сделала его слабым и погубила.

* * *

Через год я всё же поступила в институт. Мне было далеко ездить из своей квартиры и я предложила сыну Серафимы Эммануиловны, Иннокентию, снимать у него одну комнату из трёх. Свою квартиру на окраине города я удачно сдала. Ленивый востоковед согласился.

Он любил лёгкие деньги и без зазрения совести пользовался моими продуктами, туалетной бумагой. Я оплачивала коммунальные счета.

Я сознательно сделала его жизнь удобной, инфантильной и зависящей от меня. Я лелеяла мечту – выкупить эту квартиру. Как и дача Серафимы Эммануиловны, она была наполнена историей, духом нескольких поколений московской интеллигенции: высокие потолки, французские окна до пола, лепнина, потёртый дубовый паркет, старый массивный буфет с кузнецовским фарфором, неудобный диван – скамья XVIII века из ценнейшей карельской берёзы, огромная библиотека в кабинете, стены которого обшиты дубовыми панелями, и повсюду картины. Картины мужа Серафимы Эммануиловны и их друзей.

Конечно, при Иннокентии квартира пришла в полное запустение. Я часто ночами бродила из комнаты в комнату, смахивая пыль с невесомых статуэток беззаботных пастушек и прозрачных фарфоровых балерин – коллекцию старинного немецкого фарфора собирала ещё бабушка Иннокентия.

Я представляла, что это дом, где прошло моё детство. Вот дед, красивый и породистый, словно лев, учит меня рисовать или читает книгу в полутёмном кабинете, на стенах которого мелькают тени рыцарей Круглого стола. Я слышу шорох лисы – оборотня из старых японских сказок. Ещё я видела себя маленькой счастливой девочкой, которая всё воскресное морозное утро каталась на коньках на Патриарших прудах. Я рисовала заново своё детство, свою семью. Я даже к Иннокентию относилась как к старшему бестолковому брату.

Но была одна проблема – это всё не моё. И Иннокентий – не мой брат, и Серафима Эммануиловна – не моя бабушка. И как бы тепло она ко мне ни относилась, эта квартира принадлежит только ей и её сыну. В любой момент Иннокентий мог потребовать размена или продажи квартиры. Я не могла этого допустить. Квартира на Патриарших должна принадлежать только мне. Со всей её историей, ценными вещами и даже хламом. Поэтому я старалась знать всё, что происходит в жизни Иннокентия, следить за его часто меняющимися любовницами, чтобы оградить себя от появления какой-нибудь бойкой дальновидной девицы. До сих пор мне это удавалось. Но я не обладала достаточными финансовыми ресурсами, чтобы долго держать ситуацию под контролем. Я искала решение.

Но пока я училась на первом курсе и подрабатывала только случайными переводами.

* * *

В институте у меня появилась подруга. Ну, как подруга. Софочка была хорошая девочка из богатой, по старым советским меркам, еврейской семьи. Папа занимал высокую должность в министерстве нефтяной промышленности, мама преподавала в нефтяном же институте.

Сама Софочка – невысокого роста, узкая в плечах и широкая в бёдрах, с непослушными кудрявыми волосами, с очками, за толстыми диоптриями которых с трудом можно было разглядеть насмешливый взгляд чёрных шустрых глаз – на первый взгляд производила впечатление легкомысленной пустышки и папенькиной дочки. Но я быстро раскусила её. Роль наивной дурнушки, которую Софочка осознанно играла, позволила ей ослабить тотальный родительский контроль над единственной дочерью и прятать от влиятельных друзей родителей истинную свою сущность.

Софочка была тотально развратна. Ещё в детстве, застав восьмилетнюю Софочку теребящей себя между ног, когда уличный кот покрывал их домашнюю породистую кошку, родители поняли, что за Софочкой надо смотреть и смотреть. Но чем больше они «смотрели» за дочерью, тем сильнее она «удивляла» их. Они с ужасом наблюдали, как Софочка с наслаждением вдыхает запах пота из обуви, обнимая старые тапочки и катаясь с ними по полу, или подглядывает за писающим гостем в замочную скважину туалета. Родители с ног сбились в поисках очередного психолога. Их не устраивали объяснения, что с Софочкой всё нормально,

но она испытывает стресс и давление. Родители слышали в этом одно: девочку надо отвлекать и занимать. Поэтому всё её детство няни и бабушки под чутким руководством родителей таскали Софочку по кружкам, музеям, театрам, учителям английского и французского, в музыкальную школу. Но всё это не уберегло Софочку от беременности в 13 лет. Виновником оказии назначили таджика, который ремонтировал гараж на даче. Позор был обнаружен и смыт знакомым гинекологом за большие деньги, а родителям Софочки только и оставалось, что молиться, чтобы этого не повторилось до её 18-летия.

Когда мы познакомились, меня в Софочке привлекло её умение перевоплощаться и скрывать своё истинное лицо. Ведь и я была такой же. Меня же Софочка назначила подругой по другой причине – я молчала и слушала. Она видела мои изумление и восхищение её тайной порочной жизнью. В этом была часть правды – я испытывала шок. Мне казалось, что кроме меня в свои 19 лет никто не может так скрывать прошлое и притворяться другим человеком. Софочка считала меня наивной скучной девственницей, воспитанной слишком интеллигентной бабушкой. Она выливалась на меня свои фантазии, по сравнению с которыми немецкое порно казалось классической постановкой Шекспира. Она умудрилась переспать с половиной студентов и преподавателей университета. Как они велись на эту не очень красивую и, на первый взгляд, наивную девочку? Софочка нутром чувствовала пороки и страхи людей. Она вообще относилась к жизни как к игре. Её не волновали последствия приключений. Она всегда шла только за своими порочными желаниями. Но делала это с такой искренностью и наслаждением, что все случайные её партнёры, поражённые противоречивой девочкой и уровнем её разврата, предпочитали молчать о связи с ней.

Родители Софочки не сразу допустили меня в семью. Они боялись «привязанностей» дочери. Но вскоре мне удалось усыпить их страхи относительно себя. Я играла роль наивной, непорочной тихони из скромной, но хорошей преподавательской семьи без вредных привычек. Лучшей подруги трудно представить для их дочери. Меня даже стали приглашать на семейные праздники в огромный, по сравнению с моей дачей, дом на Николиной горе, где часто собирались шумные компании «нужных людей».

* * *

Советский танкер рухнул. И в море, полном хаотично плавающих обломков корабля и людей, выживал сильнейший. Самой важной стала способность приспосабливаться к течению новой жизни, не тащить за собой ненужных и бесполезных людей. Иметь звериное чутьё и интуицию, чтобы знать, куда грести. И самое главное – иметь силу и одержимость, чтобы первым схватить штурвал корабля, потерявшего капитана, команду и курс. А слабых и порядочных – за борт. Жестокое время, где есть место только сильным. И на этом новом, наспех собранном корабле требовалась команда из крепких, циничных и беспринципных персонажей.

Связи значили всё.

Я чувствовала, что рядом с родителями Софочки находятся нужные люди Нового времени. Это была «правильная лодка», за которую мне надо было ухватиться, успеть запрыгнуть и стать членом команды. Я чувствовала: этот корабль плывёт в правильном направлении – к деньгам и власти.

Я ещё не знала как, но интуитивно проявляя навыки мхатовской школы, шаг за шагом выстраивала свой план.

* * *

«Нефть. Нефть. Нефть», – я постоянно слышала вокруг. Организации, люди, связанные с нефтью, – всё это было рядом с отцом Софочки. Я уже подумывала о том, чтобы поговорить

с мамой подружки о переводе в её институт. Я не собиралась быть рядовой переводчицей за спинами этих людей. Я хотела быть в их команде. Но пока я только присматривалась и прислушивалась, сидя за столом серой мышкой, скромно потупив глаза в тарелку из мейсенского фарфора.

Ещё одной целью родителей Софочки был подбор выгодной партии для неё. Кандидаты в женихи, приглашённые на обеды и ужины на Николину гору, сознавали ценность брака с дочерью такого влиятельного человека. Софочка имела особую привлекательность на этих смотринах. Здесь наши роли менялись, и теперь в большом доме на Рублёвке я была той самой «некрасивой подружкой». Я и не возражала. Мне нужна была работа в правильном месте. Я хотела независимости, власти и денег.

«Путь долгий, но я умею ждать», – так я говорила себе.

Пока не встретила Марка.

С недавних пор Марк с породистой еврейской фамилией (а как могло быть иначе?) стал появляться в доме на Николиной горе. Я заметила, как менялись в лицах большинство гостей, как приосанивался и становился сверхлюбезным хозяин дома, а мама Софочки, женщина с волевым характером и властным голосом, вдруг смущалась и краснела как школьница.

– Кто это? – спросила я у Софочки.

– Кто?

– Марк. Кто он? Почему перед ним так все заискивают и строятся?

– А, Марк? – равнодушно уточнила подруга.

Мы закрылись в туалете, где Софочка поправляла косметику, с удовольствием разглядывая себя в зеркало.

– Тебе идёт это красное платье, оно очень подчёркивает твои бёдра, тонкую талию, и драпировка удачно прячет отсутствие груди, – автоматически отметила я, продолжая думать о Марке.

– Сучка! – рассмеялась Софочка и чмокнула меня в щёку.

Я удивлённо посмотрела на Софочку. Надо признать, при своих пороках она не была злой и завистливой. Она любила себя и трезво относилась к своим недостаткам, зная, в чём её сила.

– И что, подружка, твоя грудь третьего размера помогает тебе? Не надоело быть девственницей?

Я засмеялась в ответ, но всё же выпытала всё, что знала Софочка о Марке. Знала она немного, но и этого было достаточно, чтобы впечатлить меня.

– Он нигде не светится, должностей не занимает. Говорят, что связан с Самим. Страшно богат. Живёт в Лондоне. Был женат. Недавно развёлся. Четыре дочери. Жену вроде не обидел, но с его деньгами она могла бы получить и больше. Родители, конечно, хотели бы меня ему сунуть, но фу... – скривила губки на удивительно милом сегодня личике моя подруга.

– А почему «фу»? – удивилась я.

– Слушай, Алин, ну он реально старый! Ему сорок! Он зануда. Уверена, скучен в сексе, ортодоксальный еврей. Я же трахаться люблю! Да не просто, а позатейливее, да чтоб в компании! А это что? Ещё рожать заставит. Наверное, развёлся, потому что сына хочет. Жене тоже сорокет, не родит больше. Вот и ищет себе породистую молодую еврейку, чтоб выстреливала сыночками. На фиг надо?! Я вообще замуж не хочу! У папани денег много, запишет так и так на меня компании и недвижимость. Вот я и стану и при деньгах, и при свободе.

Я вздохнула, повернулась к зеркалу и смыла губную помаду с губ.

«Что ж, мы пойдём другим путём».

* * *

Путь к сердцу Марка оказался долог и тернист. В те времена, когда ещё не родился интернет, тяжело было узнать информацию о человеке, хотя и позже всё, что касалось Марка, тщательно скрывалось.

И тем привлекательнее он становился для меня.

Несколько раз мне случалось сидеть рядом с ним за столом, перекинуться парой фраз. Запах денег, исходивший от его одежды, обуви, часов, смуглой кожи, холёной сытой внешности, сводил меня с ума. Я чувствовала вибрации власти, силы и магического влияния на людей. Мне было необходимо проникнуть в этот загадочный мир всемогущества.

Дело было не в самих деньгах и роскоши. Мне казалось, что, попав и закрепившись там, наверху, я получу какие-то особенные преимущества, раскрою тайну, неведомую простым смертным.

* * *

Летом отец Софочки устроил нас на практику в серьёзную организацию, связанную с нефтью и газом. Софочке надоело работать уже через неделю. Она закапризничала, уехала к матери в Ниццу. Но я осталась и вкалывала за двоих. Мне было всё интересно. Вскоре в компании обратили на меня внимание и как на сметливую стажёрку, и как на симпатичную молодую девушку.

Но у меня была цель – Марк, и я не собиралась размениваться на менеджеров среднего звена. Иногда я видела Марка в офисе, но он по-прежнему не замечал меня, несмотря на то, что мы были представлены друг другу и несколько раз пересекались на Николиной горе.

Сколько сил я потратила на разработку плана под кодовым названием «Заманить льва в яму»!

Измучившись, уже готова была сдаться, но судьба решила посмеяться надо мной и заманила меня в коварные сети.

* * *

Из-за Софочки, учёбы и званных обедов у родителей подруги я стала редко навещать Серафиму Эммануиловну и как-то летом, в выходные, всё же вырвалась на свою дачу. Я была вымотана работой, устала от одержимости Марком и уже решила оставить эту затею. Когда я приехала на вечерней пятничной электричке, уже с порога радостная и возбуждённая Серафима Эммануиловна сообщила, что у нас гости. Это было тем удивительнее, что она никогда не звала друзей на дачу, предпочитая встречи с подругами и сослуживцами по институту в центре столицы.

Удивлённая, я зашла в комнату. За столом сидела наша соседка и незнакомый мужчина. Он встал, чтобы представиться и пригласить меня за стол. Высокого роста, светлые волосы, добрые и умные глаза. От него шла волна надёжности, уютности. Я поймала себя на мысли, что он кажется мне родным. Где я его видела? Портрет! Это же тот мальчик, чьё изображение я так любила рассматривать! Он больше не мальчик, а красивый мужчина с римским профилем. Но его глаза и длинные пальцы крепких надёжных рук, они те же.

Весь вечер прошёл совершенно отлично от тех званных обедов, к которым я уже привыкла у родителей Софочки. Я забыла о том, что надо кем-то притворяться, что надо думать, что сказать, как выглядеть. Удивительная волна родственных душ, мыслей подхватила меня и сде-

лала абсолютно счастливой. Я смеялась, шутила. Я ловила на себе восхищённый взгляд Влада. Я наслаждалась им. Наверное, это был самый прекрасный вечер моей жизни. Я даже не знала о себе, что могу быть хорошей! Мне хотелось быть чистой, светлой и честной. И клянусь, в тот миг я такой и была. Влад видел во мне это, и я давала ему лучшую часть себя. Всё, что происходило потом, было естественным пересечением наших вселенных. Мы, как два засыхающих ручья, с трудом пробивающихся сквозь одиночество и боль, вдруг нашли друг друга, слились в единое целое и обрели неведомую силу, которая в своём потоке чистой воды могла снести горы и унести нас к счастью.

С Владом я познала, что такое божественная близость. Это не было манипуляцией сексом, как с Анибусом, или грубым инстинктом, как с другими случайными партнёрами. Мне казалось, что нам не надо говорить. Мы слышали мысли друг друга, мы дышали одним лёгким на двоих, задыхаясь от любви и нежности.

* * *

Влад...

Влад...

Мелькают картинки моего самого счастливого лета. Так тепло моей одинокой душе от воспоминаний.

После работы я неслась домой. Если Влад задерживался, я готовила ему еду, колдуя над кастрюлей, в каждое движение вкладывая свою нежность. Я, словно добрая ведьма, хотела защитить и уберечь его.

* * *

Не уберегла.

В те наши самые счастливые дни меня удивляло, почему люди не замечают, что я единственный человек, который умеет парить над землёй?! Я могла поклясться, что не касалась земли! На миллиметр я поднималась над ней. И чувство это было волшебным! Сейчас, по другую сторону жизни, я вновь ощутила это парение.

Но боль, которая идёт от слайдов моей жизни, делает мою душу тяжёлой...

* * *

Марк...

Марк единственный из людей почувствовал моё парение.

Марк наблюдал.

В глазах его появились интерес и удивление.

Но мне не надо было уже ничего от него! У меня была любовь моей жизни – Влад.

Я избегала пытливого взгляда Марка. Но, как назло, стала всё больше общаться с ним на работе. То оказывалась его переводчицей на заводе, который он покупал, то летала в Сибирь на встречу по его заданию, то неслась срочно в Лондон. Он не задавал лишних вопросов, всё было в рамках делового общения. Я выполняла свою работу быстро, чётко и без ошибок. Я научилась разделять мысли и чувства.

Влад был не очень доволен моими частыми рабочими командировками, но мы понимали, что нам нужны деньги, иначе быт убьёт нас. Мы строили планы нашего будущего, в котором было много детей и счастья. Большой дом и дача в лесу... После службы в армии, после его войны, Владу непросто было найти себя. Его нравственные понятия шли вразрез с Новым

миром. Но всё встало на место, когда Влад с друзьями открыли своё дело, организовав строительную компанию. Наши мечты о доме, детях и собаках вот-вот должны были стать явью.

* * *

В университете я взяла академический отпуск. Марк практически сделал меня личным секретарём. И я подсчитала, что, полностью откладывая заработанные мною деньги и живя на заработок Влада, через пару лет мы сможем купить квартиру в хорошем районе Москвы.

* * *

Но я не заметила, как поменялись роли. Я была равнодушна к Марку, а он наблюдал за мной, как лев на охоте. Постепенно он стал расспрашивать меня о детстве, семье... Мне было неприятно говорить на эту тему. Правду я не могла сказать. Родители Софочки знали, что я сирота и живу с бабушкой. Поэтому я и придерживалась этой же версии, отвечая скупой на его вопросы. Марк принимал мою скрытность за врождённую сдержанность. У меня было слишком много тайн и тёмных пятен, о которых стоило бы молчать. Родители Софочки и потом уже и Марк считали меня еврейкой по матери. Меня удивляло это их заблуждение, но я предпочитала не комментировать, не переубеждать их.

Однажды Серафима Эммануиловна тяжело заболела. Мямля Иннокентий звонил мне каждые полчаса, паникуя и хныча. Я была на Урале с Марком, и он впервые увидел меня расстроенной. Я поняла, что Серафиму Эммануиловну надо срочно отправлять в больницу, но я боялась убогих государственных лечебниц. Моя паника и беспомощность привели к тому, что я сорвалась на переговорах. Удивлённый Марк попросил зайти к нему в кабинет и объяснить моё состояние. Я не выдержала напряжения и разревелась. Я рассказала, что бабушка серьёзно больна, а её сын – беспомощный увалень. Марк внимательно выслушал меня и тут же позвонил в Москву в президентскую клинику. Через сорок минут Серафима Эммануиловна уже лежала в отдельной палате и её осматривали лучшие врачи.

В последующие дни, получая отчёт врачей, я поняла, что Серафима Эммануиловна чудом избежала смерти и уверенно шла на поправку.

* * *

Чувство благодарности переполняло моё сердце. С Владом я стала другая. Я сняла свою броню от мира и пустила любовь в свою жизнь. Я осознала, как любила Серафиму Эммануиловну и как боялась потерять её.

Я по-прежнему мало рассказывала Марку о личном, но иногда, за вечерним бокалом вина, делилась мыслями и мечтами. Да, незаметно рабочие дни стали перетекать в рабочие ужины с партнёрами, а потом и вдвоём. Марк был отличным слушателем. И искусным манипулятором. Я всё больше раскрывалась как личность и в его глазах всё чаще читала интерес и любопытство. Признаю, моё самолюбие тешило его внимание.

В это же время отношения с Владом перешли на новый уровень. Правильнее сказать, «скатились». Началось время претензий и обид. Мы зашли в тупик. Я не могла и уже не хотела оставить работу.

Мои частые отъезды раздражали его. Он говорил, что я возвращаюсь к нему другая, чужая. Постепенно душевная, как мне тогда казалось, близость с Марком, его внимание и даже покорность оттеняли вспыльчивость, претензии и обиды Влада.

Я испытывала облегчение, когда уезжала в командировку на несколько дней после ссоры. Но, остыв, оставалась с тоской и виной. Мы созванивались, просили прощения и, встречаясь после разлуки, вновь жадно бросались в объятия друг друга.

* * *

И я, и он знали, что нас держит настоящее чувство.

Но оно было такое истинное и божественное, что иногда я боялась не выдержать ответственности за него. Наша связь не могла быть обычной. Нам дано было это испытать как благодать, но мы не справились.

* * *

Кадры той моей жизни снова мелькают. И мне горько видеть это...

Я всё потеряла.

Обида, гордыня, злость и эгоизм, будучи моими вечными спутниками от рождения, нашептали всё разрушить.

* * *

Марк всё настойчивее предлагал мне близость. Но я решительно отвергала его ухаживания. Становилось всё тяжелее держать границы. Он был отличным боссом, прекрасным собеседником, но даже его дружеское участие в моей жизни не могло заставить меня изменить Владу. Таким мужчинам не изменяют.

Мне пришлось рассказать Марку о Владе. Я твёрдо дала понять, что пока я с Владом, у Марка нет шанса.

Но как я ошибалась! Я только раздражила Марка. Для него это была одна из игр, охот, которые забавляли его.

Видимо, Фортуна была у него на гонораре. События всегда складывались выгоднее для Марка, чем для его оппонентов.

* * *

Влад и его друзья попали под следствие. Как так случилось, не важно... Кто виноват – тоже. Важно, что за полгода я выплакала весь запас слёз. Пока длилось следствие, я превратилась в свою тень. И я злилась на Влада. Почему он взял всю вину на себя?! Марк обещал помощь, но его адвокат сказал, что бесполезно. Влад, спасая друга, получит полный срок. Я орала на Влада, что он полный идиот, что его геройство никому не нужно. Что там между ними было на самом деле, почему Влад взял всю вину на себя, он не стал мне объяснять. Он молчал.

В зале суда, где ему дали пять лет, я посмотрела на него и беззвучно сказала: «Прощай». Я была уверена, что он предал меня. Он ничего не говорил. Просто смотрел на меня...

* * *

Я уехала с Марком в Лондон. Свадьба, беременность, рождение первого сына прошли как в бреду. Я заставляла себя не думать о Владе. Зачем? На что я надеялась? Он же такой, как все, он бросил меня.

И Серафима Эммануиловна ушла...

Когда я вдруг очнулась, огляделась вокруг, то обнаружила, что всё это время жила не свою жизнь... Я не принимала решений, я не делала выбор. Всё решал Марк: что делать, что надевать, что говорить. Он был слишком влиятелен и могущественен, чтобы оставить без контроля хоть мизерную часть моей жизни. Поэтому он требовал от меня абсолютного послушания. Ему нужна была хорошая мать для его долгожданных сыновей, прекрасная хозяйка дома, женщина, которая разделяет с ним его тайные пороки. Как мать я стала для него огромным разочарованием. У сына было две няни, и я не понимала: зачем я ему нужна? Гулять, мыть и кормить – с этим прекрасно справлялись ответственные гувернантки. В редкие часы, когда я смотрела на игры сына, ловила себя на мысли, что испытываю жалость и брезгливость к нему. Он был страшно похож на Марка. А Марка я стала ненавидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.